

Алишер Навои
1441 – 1501

Назамдин Мир Алишер (Навои) это псевдоним поэта, означающий «Мелодичный» родился в феврале 1441 года в Герате в семье Гиясиддина Кичкина, чиновника в государстве Тимуридов. Среди родственников были поэты и музыканты, и будущий гений с детства дышал воздухом искусства. В юные годы он воспитывался вместе с детьми из знатных тимуридских семей, дружил с султаном Хусейном, ставшим впоследствии главой Хорасанского государства. Достигнув совершенства в стихосложении на персидском языке, он переходит к написанию стихов на старозубекском (чагатайском, или тюркском) языке. И достигает в этом больших высот. Поэт и государственный деятель шах Бабура, основатель государства Великих Моголов, в своей книге «Бабура-наме» сказал о Навои: «Алишербек был человеком бесподобный, с тех пор, как на тюркском языке

Поэтические уроки прошлого

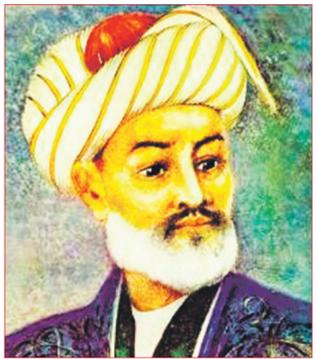
слагает стихи, никто другой не слагал их так много и так хорошо».

Алишер Навои прожил 60 лет и умер 3 января 1501 года. Он был современником Леонардо да Винчи и Франсуа Вийона, предшественником Шекспира и Сервантеса. Имя поэта стоит в одном ряду с именами Гомера и Данте, Саади и Руставели, Джами и Бальзака, Пушкина и Достоевского.

«Навои, подобно своим западным современникам типа Леонардо да Винчи, выступает перед нами как всеотрасльное явление и цельная личность, объединяющая в своем универсализме науку и искусство, философию теорию и общественную практику», — писал известный академик, лингвист Виктор Жирмунский.

Наследие Алишера Навои включает в себя около 30 крупных произведений: диванов (сборников стихов), поэм, философских и научных трактатов. Великолепна лирика поэта; известно 3150 его газелей. Под пером Навои тюркский стих, написанный на старозубекском языке, достиг художественных вершин. Его строки филигранны, пленяют изяществом, они чувственны, дышат метафорической свежестью. Всего его перу принадлежит более 100 тысяч стихотворных строк.

Одно из самых значимых произведений Алишера Навои — «Хамса» («Пятирица»). В нём пять эпических поэм: «Смирение праведных», «Лейли и Меджнун», «Фархад и Ширин», «Семь планет» и «Вал Искандера». Последняя поэма посвящена Александру Македонскому, в ней запечатлены образ справедливого правителя и отражены представления об идеальном государстве и праве. «Фархад и Ширин» — о любви ханского сына Фархада к армянской принцессе Ширин. Главным героем сначала оказывается в Греции, где беседует с самим Сократом, а потом совершает ряд подвигов, главный из которых — трудовой: Фархад прорубил в скале русло реки,

чтобы направить воду в засухливую горную долину в Армении, чем заслужил любовь прекрасной Ширин.

И так, благодаря его трудам, Все люди воду получили там... «Рекое житие» тот арык с тех пор Возьётся у людей армянских гор...

В 2009 году «Пятирица», в которой более пятидесяти тысяч поэтических строк, вышла в сборнике «Фольклор и литературные памятники Узбекистана» в издательстве «Художественная литература».

Герои произведений узбекского поэта — представители разных национальностей: греки, армяне, македонцы, персы, арабы... Все они наделены прекрасными душевными качествами и не мыслят жизни друг без друга. Алишер Навои был убежден, что именно единение людей спасает их от бед и невзгод:

Кто одиночества избрал себе судьбу — Не человек: свое он обокрал судьбу. Он и с людьми — один, все дни его горьки: Слышал ли кто хлопки единственной руки...

Навои, который занимал министерскую должность при дворе султана Хусейна Байкары, со знанием дела писал политические и научные труды. В трактате «Спор двух языков» он пишет, что «богатство тюркского языка доказано множеством фактов. Выходящие из народной среды талантливые поэты не должны выявлять свои способности только на персидском языке... Мне кажется, что и утвердил великую истину перед достойными людьми тюркского народа, и они, познав подлинную силу

своей речи и её выражений, прекрасные качества своего языка и его слов, избавились от пренебрежительных нападок на их язык и речь со стороны слагающих стихи по-персидски».

По этой причине в Узбекистане Алишера Навои называют «своим Пушкиным», ведь великий русский поэт тоже ратовал за уважение к народному языку, «языку изб». Сделав развитые литературного чагатайского (старозубекского) языка делом жизни, Алишер Навои с блеском осуществил его, сохранив при этом интернациональность своего творчества.

И все же оба языка были равными в его жизни, и слова поэта «Склоню голову перед своим отцом, а сердце отдай матери» можно также понять как выражение пиетета к персидскому и узбекскому языкам, которые были для него, словно отец и мать.

Творчество узбекского Пушкина, как ещё иногда называют Навои, всегда было в центре внимания общественности; даты его жизни и творчества не оставались незамеченными. Но самое

уникальное празднество, приуроченное к 500-летию со дня рождения поэта, прошло 10 декабря 1941 года в блокадном Ленинграде.

В Эрмитаже, который подвергся бомбёжкам и стоял с пустыми оконными глазницами, состоялось торжественное заседание, посвящённое этому дате. Заседание проходило в лекционном зале. Борис Пиотровский сделал доклад на тему «Мотивы древних восточных мифов в произведениях Навои». Художник М.Н. Мох представил работы, посвящённые узбекскому поэту. Учёный Николай Лебедев прочитал свои переводы стихов Навои. Как вспоминал тогдашний директор Эрмитажа академик И.А. Орбели, «у Лебедева была последняя степень дистрофии — в зал его внесли друзья. Когда начался обстрел, никто не покинул заседание. Больше нигде в Советском Союзе в том году день рождения Навои не отмечали». Блестящий учёный и переводчик Николай Лебедев умер через десять дней после этого юбилея.

Чествование великого поэта в блокадном Ленинграде с благодарностью вспоминали на торжественном вечере, посвящённом 570-летию Алишера Навои, который прошёл в Москве в Доме Русского Зарубежья. Вечер был организован Росотрудничеством, Обществом дружбы «Россия-Узбекистан», Советом по узбекской литературе МСПС и рядом других организаций.

С докладом «К 570-летию поэта и мыслителя Алишера Навои» выступил заместитель руководителя Росотрудничества Игорь Морозов. В своих выступлениях чрезвычайный и полномочный посол Республики Узбекистан в РФ Зиядулла Пулатходжаев, исследователь творчества Алишера Навои доктор филологических наук, профессор Анвар-мирзо Хусанов, председатель Общества дружбы и сотрудничества с Узбекистаном Игорь Крутовых, директор издательства «Художественная литература» Георгий Пряжик и другие рассказали о творческом пути поэта, дали высокую оценку состоянию культурно-гуманитарных связей двух государств и народов. Секретарь правления МГО Союза писателей России Альберт Оганян говорил о взаимосвязи армянской и узбекской литературы, о своих контактах с писателями Узбекистана.

Вечере приняли участие российские и иностранные дипломаты, политики, деятели культуры, поэты и писатели, представители общественных организаций, предпринимательских структур, узбекской диаспоры, занимающей заметное место в общественной, научной и культурной жизни России.

Ряд деятелей культуры был награждён почетными грамотами за вклад в развитие отношений дружбы и сотрудничества между народами России и Узбекистана. В их числе председатель Совета по узбекской литературе МСПС, писатель Григорий Резниченко, писатели Шавкат Ниязи, Валентин Осипов.

На конференции выражались надежды, что торжества в честь Алишера Навои будут способствовать дальнейшему укреплению дружбы и взаимопонимания между представителями разных народов, проживающих в нашей стране, между Россией и Узбекистаном, которые недавно отметили пятилетие межгосударственного Договора о стратегическом партнёрстве.

Мероприятие завершилось концертом и традиционным словом.

В честь 500-летия Алишера Навои в 1942 году в СССР была напечатана почтовая марка. А сама круглая дата, как было выше сказано, отмечалась 10 декабря 1941 года в блокадном Ленинграде под бомбёжками врага в холодных залах Эрмитажа. В честь Навои названы город и область в Узбекистане, в Ташкенте есть театр оперы и балета имени Навои, проспект Алишера Навои, станция метро «Алишер Навои». На стенах зала станции метро установлены панно из сюжетов «Хамсы» и барельеф поэта. В 1991 году к 550-летию поэта был выпущен советский юбилейный рубль с изображением Алишера Навои. Сейчас в нескольких мировых столицах, в том числе в Москве, есть памятники Навои, его именем названы улицы в Алматы, Киеве и других городах.

Азат ПРИМОВ, заместитель председателя правления Общества дружбы и сотрудничества «Россия-Узбекистан», член Совета по узбекской литературе МСПС

Михаил Глинка
1804 – 1857

Мне снилось пение. Оно доносило, как ветер, гуляющий на просторе, и манило к себе. Это был чистый юный голос, порывающий душу и обладающий свойством чудесного музыкального инструмента, так непохожий на стандартные голоса знаменитых прималодов, капризных и развратных, доставивших немало горя своим партиям неповоротливыми фигурами. Голос этот обладал необыкновенным свойством: в нём была сама непорочность и игривость, напоминающая искрящееся аи.

Неведомая певичка пела с лёгкостью лесной птички, всё достояние которой — таинственный инструмент, спрятанный в её горлышке, скрытом в шелковых перьях.

Пела она романсы Глинки, которые в её исполнении обнаруживали свои скрытые истинные вулканические мощь и пыл. Русская музыка — это всегда душа, обладающая чудесной глубиной и масштабностью чувства бытия, чего не найдёшь в европейской музыке. Там только бездумное наслаждение земными радостями и ненасытное щебетание опьянённых их чарами. В русской же музыке упоение жизнью разбавлено горем, раздумье перевешивает беспечность; в каждом звуке богиосказательство, как в иконостасе. Но пусть не говорит, что это происходит из народных источников; у народа с искусством нет ничего общего; народ достаточно показал себя, нарушая тишину в общественных местах ором и звукопронизывающими приборами. Сделавшись приверженцем «рока» и всего, к чему приговорил «рок» неразумное стадо, народ навлек на себя проклятие и не вынимает из рта жвачку и сигарету.

Глинка, певец русской музыки, вметил в себя всю последующую русскую школу, как в Бахе заложена, так сказать, вся мудрость будущих поколений. Его иначе и не назовёшь, как русским Бахом. Глядя на его портрет маслом с глазами, отведёнными в сторону, испытываешь благоговение и гордость за нацию, породившую такого могучего благородного титана.

В самом деле, мы восторгаемся музыкой Глинки, пленяемся ясностью его формы, самобытной лирикой, удивительным мелодическим колоритом, изяществом лаконизма и невероятной жизнеспособности мелодий. Он так сильно ранит душу точными прицелами, что порой кажется, он один только и есть на свете. Задушевность и патетика великого росса ставят его над всеми композиторами. Когда звучат его вокализмы, в памяти оживает всё пережитое, всё, что было лучше в судьбе. Его романсы с такой силой говорят о невозвратности утраченного счастья и о немальности надежды вернуть его, что даже камни проливают слёзы. Ничего лишнего, никакого витийства, никакой искусственности — одна ясность чувств, как чистота детских глаз и обаяние в небе, как магия лунного света. Страстность его мелодий — это окно в

Николай Рубцов
1936 – 1971

Январь-холодный — месяц любимого миллионами читателей поэта Николая Рубцова. 3 января 1936 года он родился в небольшом городке Емецк, неподалёку от Архангельска, а 19 января, сорок лет назад, трагически ушёл из жизни. Взросление, творческое становление поэта связано с вологодским краем, который он считал своей настоящей Родиной. Здесь, в селе Никольском, прошли торжества, посвящённые юбилею Николая Михайловича.

Теперь широко известна фраза, как бы случайно оброненная поэтом: «Я умру в крещенские морозы...» Она стала пророческой в его судьбе. Крещенские морозы, звёздное высокое небо, мгlistая дымка над полями и лесами — неизменные приметы «рубцовского января», в том числе — и нынешнего. Вдоль дороги — сквозные морозозели, опущенные густым инеем березы, широкие заснеженные дали. Это только мнится, будто добраться в Николу — пустяк. А на самом деле, если ехать через старинную Тотму, то выйдет — за триста верст. Поэтому мы, поэт Михаил Карачев, прозаик Роберт Балакинин и я, решили сократить путь наполовину: двинули по зимнику через могучую реку Сухону, а оттуда до отчины Рубцова — рукой подать.

Замётанный снегом берег настолько крут, что машина карабкалась по нему чуть ли не вертикально. Вот мы и у разрушенного храма, в селе Красном, где много раз бывал Рубцов; стоял на прищипке в ожидании парама, смотрел, как перекатывала волны раздольная Сухона. И, может, здесь, на достоянном берегу, возникли у него вроде бы бесхитростные, а на самом деле глубокие, полные смысла, строки «Экспромта»:

Я улыву на парохде,
Потом поведу на подводе,
Потом ещё на чём-то вроде,
Потом верхом,
Потом пешком
Пройду по волоку с мешком —
И буду жить в своём народе!

За минувшие годы его творчество выдержало не одно испытание на проч-

рай и весточка оттуда. Почему звуки его мелодий проникают в такие глубины сердца, что заставляют испытывать почти физическую боль? Секрет скрипичных мастеров — в подборе дерева. Глинка же секрет — в ладотональности, распеваемой молниями ритма. Сила страсти его языка, обдуманная лапидарностью формы, способна вернуть жизнь калеке...

Редко кто задумывается над тем, как Глинка погиб. Хаотичность мироздания не считается с порядком, который должен, по нашему мнению, царить на земле. В колесо вселенной мясорубки нередко попадают и великие. Сколько их унёс фатум? На русских гениев его аппетит особо велик. Не говоря о Пушкине и Лермонтове, не умолчим и о Михаиле Лебедеве, разделившем короткий век с Перголези. Двадцатилетний академик научил рисовать передвизником!

Да, Глинка слишком рано ушёл из жизни, к концу которой совсем бросил писать, впад в хандру, ибо величие его души побудило его невзлюбить мир и отречься от мира. Место, что Глинка занимает среди земных гениев, могло бы держать его в плену жизни ещё долгое время. Ещё не все песни были им спе-

Роковые дни Глинки

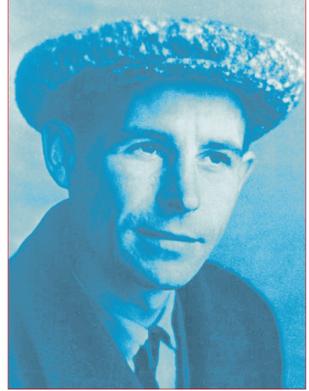
ты. Но у судьбы свои законы, не позволяющие считаться с необходимостью существования таких величин, как Глинка. Напротив, по этим законам всё прекрасное рано забирается на небо.

Глинка обязан своей гибелью роковой неосмотрительности, ставшей причиной его тысячи болезней, и ещё — бабушке, обрёкшей его на гибель своей привязанностью и назойливой заботливостью: она одна виновата в его несчастьях. Изнеженность, привитая ею, сказалась в том, что дома Глинка ходил в ватном халате, а южный климат предпочитал северному.

Русский народ приучен к теплу, к лежанке, к хлеву. Мужик летом не расстается с зимней шапкой, как азиат с халатом, не раздевается и бел телом. Страх перед суровой зимой породил в нём ненасытность к теплу, а лён обречённого на каторжный труд усыпила в нём всякую деятельность и поворотливость ума. Стоячее болото, в котором он погряз, не удосуживаясь оглядеться кругом и посмотреть, что происходит на белом свете, заставляет его летом топить печь.

Глинка вышел из гущи крестьянства и прежде всего унаследовал черты пагубные, как наследуют цвет глаз, волос и рост. Много ли в русской нации оригиналов, что сумели бы пренебречь зимними стужами и воспитать себя как Фритгоф Нансен, норвежский полярный исследователь? Другое дело — представители прогрессивной Европы: их не заставши кутаться в доху, а уж вернуться в ватный халат в натопленном доме — тем более; их не заставши есть горячую похлёбку, точно голодная собака. Хотя и принято считать, что климат щадит европейцев и, когда они едут в Россию, навьючивают на себя несколько шуб, не следует забывать, что

ность, обрело и продолжает обретать друзей. Можно утверждать, что «жить в своем народе» было потребностью Рубцова, хотя порой её определяли и бытовые обстоятельства. Где он только не бывал: на севере, на юге, в Питере и в Москве, в Мурманске и в Архангельске... Но неизменно возвращался в Николу, куда впервые Колю привезли в возрасте 7 лет в детский дом в октябре 1943 года.

Возвращался по той самой старой дороге, на которую и мы выбрались, минуя село Красное; по ней ездят только в

«Люблю я деревню Николу...»

холодное время; весной и летом дорога практически непроезжаемая. Открывалась на пути дивная природа, исполненная поэзии! Невольно думалось о том, что стать поэтом в такой сказочной глуши, как эта, совсем просто: из природы поэзия перекалала в душу, а из души — в слово. В реальности всё гораздо сложнее: дорога Николая Рубцова к вершинам русской поэзии была тяжёлой, мучительной, потребовавшей полной самоотдачи. Не случайно исследователь творчества поэта, известный литературовед Вадим Кожин отмечал, что «истинным наследником великой поэтической культуры стать невероятно трудно».

в Европе есть Сен-Готард и Монблан и что альпийцы на высокогорных склонах раздвигают догола и принимают солнечные ванны.

Сумасшедшая бабушка Глинки Фёкла Ивановна тряслась над внуком и так изнежила, что вконец разрушила его здоровье. От природы болезненный и нервный, Глинка был нигула не годным в отношении здоровья. Из его «Записок» можно почерпнуть удручающие сведения о том, что у него вся жизнь ушла на врачей и что он невыносимо страдал от разных хворей, катался по полу от приступов боли и, приехав в незнакомый город, первым делом искал профессора медицины. Вот ему-то никак нельзя было кутаться.

А его тоже не вполне здоровые убеждения? Одно его крылатое изречение: «Музыку создаёт народ», — уже многое стоит. Сказать такую похвалу в адрес народа может только тот, кто не плавал по морю житейскому и привыв проежать сквозь толпы черни в карете с задёрнутыми шторами. В формировании этого очень и очень неточного заявления Глинке невольной, вероятно, содействовал Стасов. Но будем снисходительны к величайшему русскому

музыканту, хотя, повторяем, привычка к ватному халату не прошла для него даром. Любовь к хлевному телу отпала ему неблагоприятно. Вот как это произошло.

Глинка, будучи отвергнутым и обольганным завистниками, театральной

критикой и журнальными рецензиями, доведённый тупым непониманием публики до отчаяния и впад в немилость царя, которому так польстил, написав оперу «Жизнь за царя», решил навсегда уехать из России. Царь отплатил ему тем, что заставлял провинившихся солдат слушать глинковскую «Руслана и Людмилу». Неудачная женитьба также внесла свою лепту в подготовку смерти Глинки: его благоверная делала из рукописи его партитур папилютки. А ведь он пожертвовал ей драгоценные перстни, подаренные ему императором в качестве платы за оперу. Поездка в Испанию раскрыла ему глаза на

величие природы, столь отличной от российской. Глинка проклял родину и решил жить и творить на чужбине. Он не первый нашёл поближе далеко от родимого края. Сходно Вениковский проклинал Польшу, Гейне — Германию, Гельвеций — Францию.

Оказавшись в Берлине, он зашёл к своему учителю Зигфриду Вильгельму Дену. В те времена не было печатных пособий по теории, как сейчас; тогда по одному конспекту учились многие русские композиторы. Сохранилась тетрадка с работами старика Дена, которую и осваивал Глинка (потом по этой же тетрадке штудировал музыкальную теорию Даргомыжский). Причиной визита к Дену явилось, вероятно, решение покончить с оперой и серьёзно заняться фугой. Ах, если б Глинка знал, что дни его сочтены!

В Берлине он был приглашён на званный вечер в королевский замок. Четыре часа, проведённые там, дали ему возможность восхищаться дирижёрским талантом Мейербера и пеннием оперной дивы Вагнер, тронувшим его до слёз. Эти четыре часа оказались роковыми. Выйдя из душной натопленной комнаты замка, Глинка простудился. Простудился настолько серьёзно, что заболел воспалением лёгких. В то время не существовало никаких серьёзных лекарств и от пневмонии гибил легко. Болезнь прогрессировала. Организм был изнежен барским образом жизни и не мог противостоять недугу. 15 февраля 1857 года Глинка скончался в возрасте 52 лет в доме на Канонирштрассе. Теперь эта улица названа именем Глинки и в нише в стене дома установлен бюст композитора. Лицо одухотворено и задумчиво. Волосы подрублены под горшок, шея короткая, — как, впрочем, была и вся коренастая фигура Глинки.

Две оперы, написанные этим гениальным русским дилетантом, композитором от Бога, стали эталоном мирового музыкального творчества. Эти две оперы — две великие музыкальные энциклопедии — вытянули из топких болот и дремучих лесов музыкальной периферии русскую нацию, поставив её на один уровень с Европой. Глинка вывел Россию на музыкальный Олимп, сам пав жертвой тёплого халата...

Пренебрежение к композитору мало убавилось с XIX века. До сих пор выдумывают небывшие о причине его смерти, демонстрируя псевдоэпичное безразличие к русскому гению. В одной из статей о Глинке сказано, что он умер от болезни печени, причём приведены иллюстрации, на которых не без умысла представлено, как Глинка с Брюловым не выпускают из рук чарки. Улица, где на доме прикреплена мемориальная доска в честь Глинки, названа не Канонирштрассе, а Францезишештрассе. Таковы хитросплетения судьбы, говорящие о том, что всё в этом мире случайно, хаотично и развивается настолько медленно, что каменнотугольные пласты третичного периода в этой бесконечной жизни на Земле являются жалким перегибом, ничего не значащим в давно не убираемой коношне.

Леонид ЖУКОВ, член Союза писателей России

Николе. Но вот что от души порадовало — мемориальная комната Николая Михайловича Рубцова на втором этаже. После смерти его жены Генриетты Михайловны Шамаховой (она жила тут рядом), сотрудники музея приобрели мемориальные предметы — кровать, письменный стол, кресло; их вывезла Генриетта из квартиры Рубцова в Вологде после его трагической кончины 19 января 1971 года и бережно сохранила. Такое ощущение, что ты, хоть ненадолго, побывал в гостях у Николая Михайловича...

Ещё в первый приезд в Николу довелось встречаться с Генриеттой Шамаховой, и я вспомнил, что в её избе был прекрасный портрет Николая Рубцова, написанный карандашом с натуры. Но здесь, в «рубцовской комнате», его не оказалось.

— Портрет забрала дочь Елена, живущая в Санкт-Петербурге, — пояснила директор дома-музея Галина Марктокова.

Галина Алексеевна рассказала о большой работе, которую проводит музей по приобщению жителей села, включая детей дошкольного возраста, к творчеству поэта. Уже стали традиционными «Рубцовские чтения».

А потом все, кто пришёл на литературную встречу, затаяв дыхание, слушали живой голос Рубцова: он, играя на гитаре, исполнял «В горнице»:

Дремлет на стене моей
Ивы кружевная тень,
Завтра у меня под ней
Будет хлопотливый день!

Будь поливать цветы,
Думать о своей судьбе,
Буду до ночной звезды
Лодку мастерить себе.

Впечатление от стихов в исполнении самого Рубцова, конечно, незабываемое. Стихи читали, стихи исполняли. Небольшой зал наполнился духом высокой поэзии.

Единственная грустная нота — судьба Николая. Как нам рассказали, в последние времена в селе закрыли маслозавод, колхоз, пекарню, то есть рубят Николу под корень. Куда же деваться жителям? Уезжали мы потемну. Было видно, что пока ещё в «той деревне» огонь не погашен. А что будет завтра?

Геннадий САЗОНОВ, член Союза писателей России